

УДК 81'44

Солуянова Н.А.

Московский государственный областной университет

**СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. АКУНИНА)**

N. Soluyanov

Moscow State Regional University

**WAYS OF ACHIEVING THE ADEQUACY IN TRANSLATION
OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS (ILLUSTRATED
IN THE TRANSLATIONS OF THE NOVELS BY BORIS AKUNIN)**

Аннотация. Перевод – это адаптация текста к иной культурной среде, новая интерпретация оригинала и рождение новых смыслов в оценке исследователя-переводчика. Особое место в теории перевода занимает перевод интертекста. В статье на материале переводов детективных романов Б. Акунина на английский и французский языки рассматриваются проблемы интерпретации интертекстуальных включений. Показывается, что особую сложность представляет адаптация стилистической интертекстуальности из-за попыток автора передать культурные традиции XIX в., что редко находит эквиваленты в принимающей культуре.

Ключевые слова: адаптация, адекватность, интертекст, культура, перевод.

Abstract. Translation is an adaptation of a text to another cultural environment, a new interpretation of the original and the birth of new meanings in the translator's estimation. The problem of translation of intertext takes an important place in the theory of translation. Based on the translations of the Akunin's detective novels into English and French, this article touches upon the problems of interpretation of intertextual insertions. It is shown that adaptation of stylistic intertextuality is especially difficult as the author attempts to convey cultural traditions of the 19th century the equivalents of which can be rarely found in the receiving culture.

Key words: adaptation, adequacy, intertext, culture, translation.

Перевод – это адаптация текста к иной культурной среде, новая интерпретация оригинала и рождение новых смыслов в оценке исследователя-переводчика. Поэтому «выводы, к которым приходят критики и историки перевода и литературы, да и просто читатели, оценивая переводные произведения «изнутри» принимающей культуры, и исследователи истории переводов «извне» (представляющие осваиваемую культуру, например), редко совпадают» [13, с. 19], что затрудняет оценку того или иного перевода.

Язык во многом является отражением национальной культуры и менталитета, традиций, «негенетической памяти коллектива» [11, с. 8-9], а переводной текст, изложенный с помощью языковых средств культуры принимающей, в свою очередь, будет отражать влияние этой культуры.

Особое место в теории перевода занимает перевод интертекстуальных включений, потому как само понятие интертекстуальности стало активно изучаться сравнительно недавно – после появления работ Ю. Кристевой (1967 г.), Р. Барта (1967 г.), Ж. Женнета (1982 г.) и др. В современных текстах много интертекстуальных включений в рамках одной культуры. Вопросы возникают при переносе этих интертекстуальных отсылок в текст другой культуры, чтобы они воспринимались также носителями другого языка и культуры. У перевода есть свойство выявлять новые смыслы, возможно, уже подразумеваемые в произведении или, наоборот,

рот, не осознаваемые автором, а переводчик и интерпретируемый им текст в этом случае выступают посредниками между оригинальным текстом и читателем. Поскольку в восприятии текста (и, в частности, интертекста) читателем нельзя избежать субъективности, переводчик часто ориентируется на средне-статистического читателя, интерпретируя оригинал согласно привычкам и нормам своего общества, что, несомненно, ведёт, по мнению И. Левого, к «ослаблению эстетической» и «усилению информационной» [10, с. 169] функций перевода.

Предметом нашего исследования является изучение влияния перевода на восприятие адресатом, но сначала следует рассмотреть подходы к переводу интертекста, проблемы, возникающие при переводе интертекстуальных включений, способы их решения, а также анализ их успешности. Материалом исследования являются переводы детективных романов популярного автора Б. Акунина на английский (Э. Бромфилдом – все романы) и французский языки (О. Шевало – «Азазель», «Особые поручения», И. Сокологорской – «Турецкий гамбит», «Смерть Ахиллеса», Л. Дагуино – «Смерть Ахиллеса», П. Лекесн – «Особые поручения», С. Каждан – «Пелагия и красный петух»).

Прежде всего, следует остановиться на особенностях интертекста в романах Б. Акунина:

1) события в романах происходят в период конца XIX – начала XX вв., а поскольку «нагляднее всего изменения и в жизни и, соответственно, в языке видны на примере реалий» [14, с. 88], автор активно применяет реконструкцию реалий, речи и быта XIX в. с использованием ранее написанных произведений;

2) часто интертекстуальные включения воспринимаются только после ознакомления со всем произведением, а иногда и с его продолжением. Здесь мы имеем в виду жанровые связи текстов, стилизации, интертекстуальные связи между романами (например, персонажа в предыдущем романе убивают);

3) многоуровневость интертекста – аллюзии как на известные исторические факты, входящие в образовательный канон, так и на

события, предполагающие общность литературной памяти автора и читателя, а также так называемые «интеллигентские игры» [8, с. 156; 9, с. 160] – ссылки на профессиональные тексты, элитарную литературу и авторское кино; это позволяет читателям разной литературной подготовки получить «удовольствие от текста» [6, с. 462] и свободно понимать текст;

4) частое использование «стереотипной интертекстуальности» [8, с. 250] – понятие, представляющее собой общеизвестные речевые штампы и афоризмы.

Возможные алгоритмы и приёмы перевода интертекста рассмотрены в работах Г.В. Денисовой [8], П. Торопа [15], М.Л. Малаховской [12], А.А. Гусевой [7].

Тем не менее мы считаем, что этот вопрос ещё недостаточно изучен. И поскольку увеличивается количество текстов, содержащих интертекстуальные включения, представляется необходимым выработать универсальный подход к вопросу их классификации и перевода.

Эстонский семиотик П. Тороп [15] считает, что адекватного перевода можно добиться с помощью **перекодировки**, где основное внимание уделяется выражению, и **транспортирования** с акцентом на содержание. В свою очередь, перекодировка подразделяется на *точный, цитатный, макро- и микростилистический переводы*, а транспортирование – на *описательный, тематический, вольный и экспрессивный*. П. Тороп классифицирует интертекстуальные элементы в соответствии со способами их перевода. Например, для перевода аллюзии используется вольный перевод, а цитата передаётся только точным.

Г.В. Денисова [8] отмечает излишнюю сложность модели П. Торопа, выделяя лишь основное требование к передаче интертекстуальных знаков переводчиком, – «выбор между методом адаптации и методом отчуждения» [8, с. 210]. Интертексты подразделяются на универсальную, национальную и индивидуальную энциклопедию, а также интертексты-стереотипы. Для их перевода используются приёмы адаптации, отчуждения и компенсации. Используется классификация Н.А. Фатеевой [16]

с указанием соответствующего приёма. Она считает целесообразным рассматривать интертекстуальные элементы как реалии.

М.Л. Малаховская предприняла попытку создать «модель интертекстуального взаимодействия, применимую для решения переводоведческих задач» [12, с. 4], которая включает следующие этапы: «1) создание интертекстуального портрета исходного текста, т. е. представления обо всех его связях с другими текстами и о том, к каким интертекстуальным категориям эти связи принадлежат; 2) анализ реализации интертекстуального портрета исходного текста в тексте переводном; 3) анализ переводческих стратегий, приведших к изменению интертекстуального портрета; 4) общая оценка воспроизведения интертекстуальных связей исходного текста в переводе» [12, с. 13].

А.А. Гусева в своей диссертационной работе отмечает, что адаптация (в форме экспликации и замены) и переводческий комментарий – «основные способы компенсации смысловых потерь при переводе» [7, с. 18]. Интертекстуальные элементы, представляющие фоновые знания читателя, адаптируются, а смыслопорождающие включения снабжаются комментарием.

С.Г. Тер-Минасова, изучающая проблемы межкультурной коммуникации, выделяет «социокультурный комментарий как способ преодоления конфликтов культур» [14, с. 89]. Причём предлагает его использование не только для облегчения понимания чужой культуры, но также и для сокращения разрыва внутри родной культуры, когда современное поколение не понимает минувшую эпоху. Комментариями необходимо сопровождать историзмы, архаизмы, слова, изменившие своё значение в современном языке, а также реалии, ссылки, аллюзии, требующие фоновых социокультурных знаний.

Опираясь на вышеизложенные подходы к рассмотрению приёмов перевода и классификаций интертекста, мы проанализировали отрывки с интертекстуальными включениями в романах Акунина и сравнили коммуникативные позиции автора и переводчиков,

руководствующихся разными алгоритмами перевода. Рассмотрим следующие примеры (здесь и далее в первом столбце приводится оригинальный текст Акунина, во втором – его перевод на английский язык, в третьем – на французский):

1) Известный военный и государственный деятель, московский градоначальник (1865 – 1891) князь В.А. Долгоруков фигурирует в романах под слегка измененной фамилией *Долгорукой*, что для русского читателя также является отсылкой к основателю Москвы Ю. Долгорукому. В романе «Смерть Ахиллеса» [4, с. 14; 19, с. 9; 23, с. 14-15] автор указывает, что князь имел в народе прозвища, отсылающие к русской истории, что не полностью (с краткой исторической справкой) отмечено французским переводчиком (в повести «Пиковый валет» прозвища не переведены), но опущено английским:

Полтора десятка лет правил князь первопрестольной, правил мягко, но хватко, за что недруги называли его Юрием Долгоруким и Володей Большое Гнездо, а доброжелатели Владимиром Красное Солнышко.

The prince had governed Russia's old capital for a decade and a half – governed it with a grip that was gentle but firm.

Cela faisait quinze ans que le prince dirigeait la première capitale du pays, et il le faisait avec douceur mais fermeté, raison pour laquelle, se référant à l'histoire russe, ses ennemis l'appelaient Iouri Dolgorouki, son presque homonyme et redoutable fondateur de Moscou, tandis que ses amis lui donnaient le surnom flatteur de Vladimir Beau Soleil, prince bienfaisant et héros de légende.

В романах автор часто использует изменённые фамилии реальных исторических персонажей (Соболев – Скобелев, Корчаков – Горчаков, Победин – Победоносцев и др.). Переводчики иногда предпочитают использовать фамилии реальных персонажей. Примеры из романа «Турецкий гамбит» [5, с. 30;

21, с. 34; 24, с. 43] и «Особые поручения» [2, с. 238; 18, с. 236; 25, с. 338]:

<p>С мистером Маклафлином вы, по-моему, уже познакомились, а это мой ординарец Серёжа Берецагин, брат того самого Берецагина, художника.</p> <p>Сам министр к нам приедет, граф Толстов.</p>
<p><i>I believe you have already made the acquaintance of Mr McLaughlin, and this is my orderly, Sergei Bereshchagin, the brother of the other Bereshchagin, the artist.</i></p> <p><i>The minister himself, Count Tolstoy, is coming.</i></p>
<p><i>Je crois que vous avez déjà fait connaissance avec monsieur McLaughlin, et voici Serge Vé-réchtchaguine, mon second, frère du peintre.</i></p> <p><i>Le ministre en personne, le compte Tolstov, va se déplqcer jusqu'ici.</i></p>

2) Аллюзия на другого исторического персонажа – Наполеона Бонапарта – «корсиканец» – без изменений отражена во французском переводе романа «Смерть Ахиллеса» [4, с. 250; 19, с. 272; 23, с. 320]. Английский же перевод исключает аллюзию:

<p>Наоборот, заговорицк и государственный преступник – Соболев, которому не дают покоя лавры корсиканца.</p>
<p><i>On the contrary, the conspirator and offender against the state is Sobolev, who dreams of rivaling the glory of Napoleon.</i></p>
<p><i>Au contraire, le comploteur et le criminel d'Etat, c'est Sobolev lui-même, tant il est obsédé par les lauriers du Corse.</i></p>

3) История Ахимаса в «Смерти Ахиллеса» [4; 19; 23] включает элементы биографии известного героя «Илиады». Например, имена родственников (родителей и дяди) – Пелеф, Фатима, Хасан – преобразуются в Пелей, Фетида, Хирон, что также было отмечено пе-

реводчиками. Бромфилд и Шевало для того, чтобы адаптировать аллюзию, внесли соответствующие изменения в написание имён:

<p>Пелеф, Фатима, Хасан</p>
<p><i>Pelef, Thetima, Chiran</i></p>
<p><i>Pélet, Fatima, Chiran</i></p>

4) Семейные «немчура» и «немец-перец-колбаса» в романе «Смерть Ахиллеса» [4, с. 78, 81; 19, с. 82, 86; 23, с. 101, 106] заменены Э. Бромфилдом на адекватное «krauts», используемое в середине XIX столетия, и «German pepper sausage» соответственно. Французский перевод в обоих случаях содержит выражение «Teutons de malheur» – пренебрежительное «проклятые немцы» (перевод наш. – Н.С.).

5) Ссылки на литературные произведения по-разному отражены в переводах. Примеры из романов «Азазель» [1, с. 201; 20, с. 211; 22, с. 270] и «Турецкий гамбит» [5, с. 10; 21, с. 10; 24, с. 16]:

<p>Это из-за «Бедной Лизы». Лиза и Эраст, помните?</p> <p>Чтобы жить, как Вера Павловна с Лопуховым: у каждого своя территория, а третья комната – для совместных бесед и приёма гостей.</p>
<p><i>It's all because of Karamzin's Poor Lisa. You remember, don't you, Lisa and Erast?</i></p> <p><i>...in order to be able to live like Vera Pavlovna and Lopukhov in Chernyshevsky's What is to be Done? They each had their own territory and the third room was reserved for one-to-one discussions and receiving guests.</i></p>
<p><i>C'est à cause de Pauvre Lisa. Lisa et Eraste, vous vous souvenez? + сноска с указанием автора</i></p> <p><i>Ils s'agissait en effet de vivre comme Véra Pavlovna et Lopukhov, les héros de Que faire? de Tchernychevski: chacun avait son territoire, la troisième pièce étant réservée aux échanges entre eux et à l'accueil des amis.</i></p>

6) В английских переводах чаще изменяется написание слов, происходит их адаптация, заимствуются приёмы исходного текста, или слово вообще оставляется без внимания. Французские переводы характеризуются использованием сносок. Примеры из романов «Азазель» [1, с. 9, 30, 94, 95; 20, с. 6, 27, 98; 22 с. 13, 39, 128], «Смерть Ахиллеса» [4, с. 45; 19, с. 44; 23, с. 55] и «Особые поручения» [2, с. 7; 18 с. 3; 25, с. 9]:

<p>Голопузов Тюльпанов</p> <p>Штудент</p> <p>Вашество</p> <p>«Фундук»</p> <p>Малинник, лимонник, сонник</p>
<p>Potbelly Tulipov (от англ. tulip – тюльпан)</p> <p>Skewdint (student – орфографически верный вариант)</p> <p>yer onner (your honour – орфографически верный вариант)</p> <p>Fanny – бачок, жестянка, банка (перевод наш. – Н.С.)</p> <p>Pocketbook, handbook, dreambook</p>
<p>Golorousov Tioulpanov</p> <p>Etudiant foûté (орфографически верный вариант, но просторечное произношение не отражено в переводе)</p> <p>Votre honneur (орфографически верный вариант, подобострастный тон не передан при переводе)</p> <p>Foundouik + сноска с переводом</p> <p>Malinnik, limonnik, sonnuk</p>

7) Алгоритмы перевода могут содержать и ошибки, приводящие к неправильному пониманию. Например, имя «Пров» в английском переводе романа «Смерть Ахиллеса» [4, с. 46; 19, с. 45] было изменено Э. Бромфилдом на «Prof», что почти совпадает с сокращённым наименованием учёного звания *professeur* – «prof.», а имя монаха-воина, героя Куликовской битвы, «Ослаби» («Пелагея и красный петух» [3, с. 158; 17, с. 125; 26, с. 170]) было затранскрибировано как «Oslablya». Замена *Брестского* вокзала *Брянским* («Смерть Ахиллеса» [4, с. 25; 19, с. 24; 23, с. 31]) обоими переводчиками содержит историческую неточность, потому как до 1934 г. Брянским назывался Киевский вокзал.

8) Э. Бромфилд изменил название произведения «Азазель» на «The Winter Queen», акцентируя внимание не на организации, а на одной из героинь – А. Бежецкой. Также культурной адаптации в английском переводе подверглось выражение «еврейский Савонарола» («Пелагея и красный петух» [3, с. 243; 17, с. 195]), оно заменено на «Jewish Sanhedrin», а из французского перевода исключено сравнение с известным врачом и благотворителем Ф.П. Гаазом [3, с. 473; 26, с. 499] – заменено словом «филантроп».

9) Для французских переводов также характерно использование социокультурных комментариев. Так, сноски приведены для пояснения рода деятельности и роли персонажа в истории: Малюта Скуратов («Турецкий гамбит» [5, с. 53; 24, с. 72]), хирург Пирогов, Василиса Прекрасная, Володя Большое Гнездо (повесть «Декоратор» [2, с. 178, 241, 265; 25, с. 249, 342, 375]), Плевако (повесть «Пиковый валет» [2, с. 151; 25, с. 212]) и др.

10) Сам автор никак не акцентирует внимание на интертекстуальных связях между романами, но в переводе повести «Пиковый валет» [2, с. 44; 25, с. 60] на французский язык присутствует комментарий, поясняющий интертекстуальное включение:

Достаточно будет имени-отчества, или... или называйте меня просто «шеф», оно короче и удобнее. – Фандорин чему-то невесело улыбнулся и продолжил «разбор».

Le prénom et le patronyme suffiront, ou bien... ou bien appelez-moi simplement chef, c'est plus court et plus commode. (Pour une raison connue de lui seul, Fandorin eut un sourire triste, puis poursuivit l'«analyse operationnelle».) + сноска – смотрите «Азазель»

Как было указано выше, романы Акунина представляют собой пример стилистической интертекстуальности, перевод которой затруднён из-за попыток автора передать культурные традиции XIX в., что редко находит эквиваленты в принимающей культуре. Описанные выше примеры иллюстрируют различные подходы к переводу интертекста и позволяют выделить основные приёмы, используемые переводчиками разных стран.

В английских переводах используется метод адаптации как основной или приём компенсации, текст не перегружается комментариями. Для переводов Э. Бромфилда характерны речевые клише переводного языка, «дословность» с потерей «интертекстуальности», заимствование приёма, минимум примечаний, апелляции к историческим персонажам во многих случаях оставлены без внимания, а возможно, и не узнаны переводчиком.

Ответственность за переводы романов на английский язык полностью лежит только на Бромфилде. Французские же переводы выполнены разными специалистами, что позволяет сравнивать используемые методы и приёмы. Но и здесь прослеживается определённая, общая для всех тенденция – чаще встречается приём отчуждения с переводческими комментариями. Об этом также свидетельствует факт наличия в каждом издании таблицы о рангах (серия «Приключения Эраста Фандорина»), что позволяет переводчику сослаться на него. Нередко используется социокультурный комментарий, который

помогает воспринимать события, описываемые в романе, через призму описываемого времени. Пожалуй, исключением является лишь перевод С. Каждан, который не отягощён сносками и комментариями, а содержит больше примеров адаптации.

Анализ переводов произведений Б. Акунина на английский и французский языки позволяет сделать вывод, что основные способы перевода интертекстуальных включений на английский язык – адаптация, а на французский, как правило, – переводческий или социокультурный комментарий. На наш взгляд, для адекватного восприятия текста адресатом другой культурной среды необходимым представляется использование обоих методов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акунин Б. Азазель. – М.: Захаров, 2009. – 240 с.: ил.
2. Акунин Б. Особые поручения. – М.: Захаров, 2008. – 336 с.: ил.
3. Акунин Б. Пелагия и красный петух. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 509 с.
4. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. – М.: Захаров, 2009. – 336 с.: ил.
5. Акунин Б. Турецкий гамбит. – М.: Захаров, 2008. – 240 с.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика // Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
7. Гусева А.А. Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 21 с.
8. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
9. Земская Е.А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М., 1996. – С. 157-168.
10. Левый И. Искусство Перевода. – М.: Изд-во «ПРОГРЕСС», 1974. – 399 с.
11. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – 399 с.
12. Малаховская М.Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале произведе-

- ний К.С. Льюиса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007. – 18 с.
13. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 264 с.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2008. – 264 с.
15. Тороп П. Тотальный перевод. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1995. – 220 с.
16. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2007. – 208 с.
17. Akunin B. Pelagia and the red rooster. – London: Phoenix, 2009. – 410 p.
18. Akunin B. Special assignments. – London: Phoenix, 2007. – 328 p.
19. Akunin B. The death of Achilles. – London: Phoenix, 2006. – 362 p.
20. Akunin B. The Winter Queen. – London: Phoenix, 2007. – 250 p.
21. Akunin B. Turkish gambit. – London: Phoenix, 2007. – 266 p.
22. Akounine, Boris. Azazel. – Paris: Presses de la Cité, 2001. – 320 p.
23. Akounine, Boris. La mort d'Achille. – Paris: Presses de la Cité, 2002. – 416 p.
24. Akounine, Boris. Le gambit turc. – Paris: Presses de la Cité, 2001. – 304 p.
25. Akounine, Boris. Missions spéciales. – Paris: Presses de la Cité, 2003. – 480 p.
26. Akounine, Boris. Pélagie et le coq rouge. – Paris: Presses de la Cité, 2007. – 544 p.